

Вэнь Цзыцянь смотрел на Вэнь Юаньхана, в его глазах мелькала слабая надежда:

— Папа... Скажи честно... Ты тоже считаешь меня убийцей... что это я погубил Цзыи? Но... Папа, я не делал этого, я правда не делал... Ты должен мне верить...

Вэнь Юаньхан не ответил, но его выражение лица выдавало всё.

Мелкий огонёк в глазах Вэнь Цзыцяня медленно угас и исчез.

Все считали, что Вэнь Цзыцянь, лишённый наследства, в приступе ярости столкнул Вэнь Цзыи с лестницы.

Неважно, намеренно или нет, смерть Вэнь Цзыи была фактом.

Семья Пань жаждала бросить Вэнь Цзыцяня за решётку, чтобы он получил по заслугам.

Если бы не Вэнь Юаньхан, который всё это время его защищал, Вэнь Цзыцяня уже могли бы обвинить и упереть за решётку. Вэнь Юаньхан, сражаясь с семьёй Пань, был морально и физически измотан.

Снаружи глухо грянул гром, и вскоре крупные капли дождя забарабанили по окну.

В комнате было жарко от отопления, но Вэнь Цзыцяню всё равно было холодно, так холодно, что зубы стучали.

Он услышал, как Вэнь Юаньхан медленно произнёс:

— Человек уже ушёл... К чему теперь эти разговоры? Был это ты или нет, у меня остался только ты один сын, неужели я сам отправлю тебя в тюрьму? — Он тяжело вздохнул:

— Веди себя хорошо дома, тётя Пань простит тебя, даже если будет злиться, не принимай близко к сердцу, ты должен понять её боль от потери сына, в конце концов...

— Вон! — Вэнь Цзыцянь не смог больше слушать, смахнул всё с тумбочки, чашки и тарелки со звоном разбились о пол. Он по инерции наклонился вперёд, всё тело скрючилось на кровати. Кости правой руки ещё не срослись, от удара его пронзила острая боль, на лбу выступил холодный пот.

Вэнь Юаньхан хотел помочь ему, но тот отшлёпал его по руке и, стиснув зубы, проговорил:

— Да, это я убил Вэнь Цзыи, кто вам велел быть несправедливыми, кто велел меня выгонять? Я завидовал, я жаждал его смерти, теперь вы довольны? Довольны?

Он захихикал, смеясь до слёз.

Вэнь Юаньхан вздохнул, глядя на почти безумного старшего сына, и не знал, как его утешить.

Он мог лишь выйти, позволив Цинь Цану войти и побыть с ним.

Цинь Цан помог ему сесть и увидел, как слёзы текут по его лицу, а он стискивает зубы, чтобы не разрыдаться.

В груди становилось всё больнее, он почти не мог дышать. Он смотрел, как его ноги снова начали бесконтрольно дёргаться, обе ноги беспорядочно и не в такт болтались, рана на спине

заныла сильнее, напоминая, что на его совести человеческая жизнь...

В то время Вэнь Цзыцянь не верил словам врачей, он верил в чудо. Ведь после первой травмы он же чувствовал прикосновения к ногам?

Но когда началась реабилитация, он ощутил отчаяние. Поскольку правая рука не могла принимать нагрузку, даже с помощью одной левой он не мог сделать простейшие вещи — встать, перевернуться. Он полностью зависел от других, не чувствовал мочеиспускания и дефекации, лежал на кровати, как кусок замороженной свинины, позволяя другим делать с ним что угодно.

Свой девятнадцатый день рождения он встретил в палате, и кроме Цинь Цана, с ним его никто не разделил.

Не было торта, свечей, подарков, только тиканье мониторов, писк аппарата ИВЛ. Его девятнадцатый год прошёл в болезнях, он не загадывал желаний, потому что знал: эта боль останется с ним до конца жизни.

Ему начали сниться кошмары, в которых Вэнь Цзыи приходил за его душой. Просыпался он в холодном поту, смотрел в темноту, слушая, как рядом похрапывает спящий Цинь Цан, поднимал руку, трогал своё бедро, вёл вверх, пока холодные кончики пальцев не касались груди, заставляя его вздрогнуть.

Он дрожал, широко раскрыв глаза, и слёзы тихо текли по щекам.

11

Возможно, это был самый тяжёлый Новый год для Цинь Цана — ни капли праздничного настроения, только давящая, удушающая тяжесть.

В канун Нового года медперсонал разошёлся пораньше, все, кто мог, выписались за пару дней до этого, и во всей палате стояла гробовая тишина.

Цинь Цан потер лицо у двери, без конца подбадривая себя: «Цинь Цан, ты не должен падать духом, если ты падёшь, что же будет с Цзыцянем?»

После похорон Вэнь Цзыи прошло почти два месяца, вторая операция Вэнь Цзыцяня дала не лучший результат. Ниже груди он полностью потерял чувствительность, сопровождаемую сильными нейропатическими болями и спазмами. В правой руке лишь указательный и большой пальцы сохранили хватательную силу, остальные три пальца ощущали прикосновения и боль, но не подчинялись, сжавшись и не разгибаясь.

После второй операции из-за крайней слабости организма развилась пневмония, едва не стоившая Вэнь Цзыцяню жизни.

Едва выкарабкавшись с того света, он стал как пустая оболочка, лишённая эмоций и желаний.

Цинь Цан изо всех сил старался, прикидывался дурачком, разыгрывал шута, пытаясь любыми способами его развеселить.

Он почти круглосуточно находился рядом с Вэнь Цзыцянем, засыпая, лишь когда тот спал, и просыпаясь, как только тот открывал глаза.

Он не смел отходить ни на шаг — боялся, что семья Пань снова устроит скандал, и боялся, что Вэнь Цзыцянь может навредить себе.

— Проснулся? — Цинь Цан намочил тёплой водой полотенце и вытер ему лицо. — Хочешь посидеть?

У Вэнь Цзыцяня была огромная психологическая нагрузка, приступы нейропатической боли мучили его и днём и ночью, из-за чего он почти не мог заснуть, и даже пара часов крепкого сна была для него роскошью.

Только открыв глаза, он снова почувствовал разъедающую кости боль в нижней части тела. Боль, которая скребла сердце и рвала лёгкие, но невозможно было определить, где именно болит, и даже не знал, с какого места начать массировать.

— М-м-м... — Он стискивал зубы, стоная от невыносимой боли, лицо искажалось, холодный пот струился дождём.

— Цинь Цан... — Он, не в силах терпеть, протянул левую руку:

— Помоги... Больно...

Цинь Цан быстро наклонился, позволив тому обнять себя за шею, и осторожно помог ему сесть, прислонив к подушкам.

Вэнь Цзыцянь одной рукой держался за поручень кровати, смотря, как Цинь Цан разминает его бесчувственные ноги, а затем сжимает ему пальцы на ногах.

— Чуть лучше? — Цинь Цан усердно массировал.

Возможно, это был эффект плацебо, но ему необходимо было видеть, как Цинь Цан изо всех сил сжимает пальцы на его ногах, чтобы эта разрывающая сердце боль понемногу уходила.

Когда боль фантомных конечностей наконец отступила, Вэнь Цзыцянь был мокрым, словно его окатили водой, одежда промокла насквозь.

Цинь Цан, полуобняв его, помог сменить одежду, поддерживая, чтобы тот мог устойчиво сидеть, прислонившись. Ему нужно было плотно прижимать плечи к подушкам, чтобы чувствовать себя в безопасности, но даже опираясь на что-то, он всё равно ощущал, будто сидит на круглом шаре, и левая рука должна была подпирать, чтобы не завалиться набок.

Штанов на нём не было, между ног был надет белоснежный подгузник, а под ним лежала впитывающая пелёнка.

Цинь Цан ловко расстегнул подгузник, одной рукой приподняв его ноги, приподняв таз, другой быстро вытащил подгузник и метнул в мусорное ведро в углу — стопроцентное попадание.

Лобковые волосы Вэнь Цзыцяня были аккуратно сбриты, бледный пенис бессильно свесился набок. По натуре он был стеснительным, а сейчас приходилось раздвигать ноги, и весь стыд был как на ладони.

Он отвернулся, в груди стало тяжело, не хватало воздуха.

Цинь Цан менял ему подгузник по семь-восемь раз в день, уже наловчился, одной рукой доставал новый, разворачивал и надевал очень быстро, аккуратно расправляя края, затем

накрывал одеялом.

— Телевизор посмотрим? — Цинь Цан выдавил улыбку и, не дожидаясь согласия Вэнь Цзыцяня, включил телевизор, переключил на мультфильм и с интересом стал смотреть.

Всё это время Вэнь Цзыцянь молча сидел, прислонившись. Он смотрел в окно, где вдалеке вспыхивали фейерверки.

Фейерверки? Точно... Сегодня канун Нового года, наступает новый год...

— Цинь Цан... — Он вдруг попытался опереться, желая выпрямить спину, но, несмотря на все усилия, спина не выпрямлялась. — Я хочу посмотреть на фейерверки.

Цинь Цан тут же согласился:

— Хорошо, хорошо, пойдём на крышу.

Он накинул на Вэнь Цзыцяня всю одежду, что мог, и понёс его на крышу.

Только начало смеркаться, а нетерпеливые люди уже начали запускать хлопушки, треск раздавался со всех сторон, наполняя тихую зимнюю ночь оживлением.

«Бах!» — один за другим огромные фейерверки расцветали перед глазами и исчезали.

Вэнь Цзыцянь смотрел вдаль:

— Цинь Цан, я хочу сесть на парапет крыши...

— Нельзя, нельзя, слишком опасно.

Вэнь Цзыцянь указал на парапет, настаивая:

— Я так долго лежал, уже давно не видел далёких пейзажей... Цинь Цан... — Он посмотрел на высоту парапета и горько улыбнулся:

— Раньше я мог бы просто перешагнуть через такую высоту... А теперь... Сам я на неё не сяду...

<http://bllate.org/book/16224/1457361>